

ТРАГЕДИЯ

Вход в этот подъезд не со двора, а прямо с улицы — угол Лесной и Александровской. В субботу вечером милиция наглухо заперла его машинами, перекрыв тротуар.

Юлия КАЛИНИНА

УКОЛ СТРАХА

Вместе с Политковской похоронят и журналистику

На проезжей части стояли журналисты. Чего-то ждали, хотя ждать было нечего, все уже случилось. Подъехал эвакуатор. Серебристую "десятку" Политковской прицепили, стали втаскивать тросом — косо бокими большими рычагами. Мертвая машина. Такая же мертвая, как хозяйка. В толпе говорили, что ее еще не увезли, показывали на "скороу", запирающую подъезд с правой стороны — она там. Почему-то долго не увезли... Темнело, мимо топились автомобили, иногда, стая на светофоре, кто-то открывал окно и кричал: "Эй, чего там случилось?"

Не отвечали. Что ответить? Крикнуть через улицу: "Журналисты убили"? Такие слова не возможны орать через улицу, удовлетворяя досужие любо-

пытство. К тому же они не совсем правильные. Убили не только журналиста — убили нечто большее. О чем бы ни писал журналист, не если его убили — коллеги по цеху ощущают укол страха. Никто ведь не знает, за что его убили. Может, за ту же инфографию, которая есть и у меня? Может, за статью о том, о ком я тоже писал? Ах, зачем я об этом писал? И о том, и об этом, и о третьем, и о десятом... Столько подонков вокруг, столько туфых отморозков. Кто знает, какая дрянь жарится в их плавающих от ненависти мозгах? Боже. Нет. Хватит. Отныне надо писать только благостное — про урожаи, прививки от гриппа, про птичек и цветочки. И никого не задавать, никого...

Но так ведь тоже нельзя. Журналист всегда кого-то задает. Такая профессия — задавать чью-то историю. Если за это убивают, профессия заканчивается. Никому не хочется ею заниматься. А убийцы именно этого и добиваются. И в конце концов добиваются. Потому что за убийства журналистов у нас не наказывают. Генеральная прокуратура верна себе — она не добивается наказания всех заказчиков убийства, даже если они известны. Убийцы Димы Холодова не наказаны. Убийцы Владимира Листьева — не только не наказали, но даже не назвали. Заказчики убийства Ларисы Юдиной в Калмыкии известны, но не наказаны. Загадочная смерть Юрия Щекочихина остается загадкой. Двух чеченцев, подозреваемых в убийстве Пола Хлебникова, суд оправдал — не хватило доказательств, представленных прокуратурой. Журналистами, убитыми в Чечне, вообще никто никогда не занимался. Результат — ноль, даже по самым громким убийствам, о которых знала вся страна. Что тогда говорить о регионах? Там жизнь журналистская гроша ломаного не стоит. Последние расследования Политковской — о том, что кадры пытаются своих личных врагов, представляя их боевиками. Теперь то уж, наверно, никто из журналистов не займется на эту тему. Беспредель прекратится? Конечно, нет. Он расширится. Пытались в Чечне — будут пытаться в Москве и Питере. И если, не дай бог, дело дойдет до вас, дорогой читатель, уже не найдете журналиста, который осмелится об этом написать.

...Ухало милиционерское начальство, к подъезду разрешили класть цветы, зажгли свечки, и ясно было, что новостей сегодня не будет, а журналисты все клубились, обсуждали, высказывали версии, щелкали камерами... Умирающая профессия, уходящая натура. Приехала съемочная группа государственного телеканала, сказала, что была сейчас в редакции "Новой газеты", там все в шоке. Я спросила, будут ли они делать сюжет для своих новостей. Они сказали, что еще не знают. Снимают на всякий случай, поскольку еще не решено, "в каком формате" будет подано данное событие по государственному телевидению. Сами понимаете, Политковская — журналист неординарный. Понимаем. Нужно быть однозначным. Урожай и прививки от гриппа... А вот Анна Степановна, к сожалению, этого так и не поняла.

Чеченцы, чекисты, чокнутые фашисты — пухнет обязательный список подозреваемых в убийстве обозревателя "Новой газеты" Анны Политковской. У обозревателя "МК" и ходившего когда-то вместе с ней и ходившего близким труппам, — своя версия.

Вадим РЕЧКАЛОВ

СЧАСТЬЕ, КОГДА ТЕБЯ НЕ УБИЛИ

За что погибла Анна

жудноному престижу Путина. Посторонние, а значит, как правило, поверхностные западные комментаторы не будут вдумываться в возможные причины трагедии. Но озвучат самую общую и самую неприятную для властей и спецслужб — Политковскую убили российский режим.

Спецслужбы Анну не убивали.

Женщина на войне

В России Анна Политковская не являлась самым информированным или самым влиятельным журналистом. Зато — одним из самых ярких в нашем цехе. Для многих читателей Анна Политковская была символом честной и бесстрашной журналистики. И в этом ее было не превзойти. Сиди хоть месяц в горах, выдавая клевету, получай премии и повышения. Пусть даже тебя обстреляют или набьют морду, а приедешь в Москву и спросишь: "Кто тут самый честный и храбрый?" — тебе ответят: "Анна Политковская". Уважение у читателей заработать еще можно, а любовь они дарят не каждому.

Читая статьи Анны, я со многим не соглашался, но, встречая ее в Чечне, пасовал перед ее объяснениями. У Анны были особенные глаза. Всегда внимательные и сочувствующие. Она хамилась чиновникам и генералам, но всегда выслушивала обделенных властью людей. Пос-

ницы выступить в радиозоне про Кадры, и там же, в больнице, работать над статьей о чеченских пытках. Продажный журналист не способен работать в таких условиях. Продажный возьмет у спонсора бюллетень.

А вот теперь представьте два лагеря. В одном сидит власть, а в другом — ее противники. На первый взгляд кажется, что Анна во втором лагере. На самом деле она сама по себе и одинока в своих поступках. Ее беспокоят какие-то права человека, какие-то пытки, казнь, правда. А этих, из лагерей, волнует только власть. Они могли бы меняться местами, уничтожать друг друга, а Анна так бы и писала о невидимых миру слезах.

Враги власти в своей борьбе могут сослаться на заметки Политковской, размещать их на своих сайтах. Но если вдруг в один черный день они посчитают, что смерть Политковской ударит по противнику сильнее, чем все ее еще не написанные заметки, то Анну просто убьют.

Может, ее убили противники Кадры, решив таким образом сломать карьеру Рамзана. Ведь даже те, кто не верит в то, что Рамзан убил Политковскую, прекрасно знают, что последнее ее публичное выступление было против него. Может, ее убили противники Путина, решив испортить ему репутацию. Ведь даже те, кто не верит в причастность государства к убийству, на-

Вчера правозащитники устроили митинг в память убитой Анны Политковской. Примерно 500 человек пришли на Пушкинскую площадь с плакатами "Великая дочь России Политковская" и "Она защищала нас".

ПИСЬМА ПРЕЗИДЕНТУ

Александр МИНКИН

МОКРАЯ ПОЛИТИКА

Владимир Владимирович, это очень тяжелая задача: возложить на вас ответственность, но сделать это помпезно. Да, может быть, посочувствовать вам, но как-нибудь так, чтобы не было мучительно стыдно перед читателями.

Если журналисты убили ваши враги — значит, хотели вам навредить. Если же убили ваши сторонники — значит, "подставили президента". И так и этак — вы жертва.

Что-то такое носится в воздухе, тянет холодно. Ровно месяц назад, 8 сентября, в письме к вам я писал: "Бывает, что человека, который принял на свой счет такую критику (резкую, а порой оскорбительную), возникает острое желание убить оскорбителя. И мне, конечно, не хотелось, чтобы вы, Владимир Владимирович, или кто-то из ваших, приля в яму, начали бы что-то такое предпринимать".

Известие нас, Владимир Владимирович, мы действительно вас раздражает — говорим и пишем что-то не то. Вот и Политковская вела себя так, что скорее всего всякая-то часть вашей вертикали (кавказская? питерская?) оказалась вынуждена убит ее.

В состоянии якобы аффекта? Как полковник Бубанов 18-летнего (которую он предварительно раздел догола и... под музыку). Нет, подъезд, пистолет — это

планировали; это не аффект, а напротив, четкая спокойная работа.

Когда убили Холодова (а сделали это военные профессиональные убийцы), президент Ельцин назвал Грачева лучшим министром обороны. (До катастрофического новогоднего поражения в Грозном оставалось 2,5 месяца.)

Теперь, когда убили Политковскую, даже не знаешь, кого назовут лучшим. Но все, что есть, ваши. И значит, это ваши... если не вина, то ответственность.

Ее зажали власти, а они все — ваши; чужие здесь давно не ходят.

Это политическое мокрое дело (бытовые версии отпадают). Значит, такая у нас в России политика, что проблемы решаются стрельбой в подъезде.

Что теперь делать? После Беслана отменили выборы губернаторов, как будто это плохо выбранные губернаторы захватили школу. Теперь, пожалуй, стоит захватить "Новую газету", раз ее сотрудники провоцируют профессионалов на мокрые дела (Домников, Щекочихин, Политковская).

★★★

Действительно, у вас как у руководителей страны случилась досадная неприятность. Как быть? Отмолчаться? Или что-то сказать?

Прошли уже почти сутки, а вы молчите.

Многим кажется, что вы всегда долго молчите — анализируете, обдумываете... Да, когда случился Беслан, вы обратились к народу не первого, а шестого сентября. И про "Курск" не торопились, и про "Норд-Ост". Но 11 сентября, когда в Нью-Йорке рухнули небоскребы, вы были первыми, кто позвонил Бушу. И когда продали "Юганскнефтегаз", вы немедленно сказали, что знаете этих достойных покупателей. И когда были выборы на Украине, вы поздравляли кого-то не того, даже не дожидаясь подсчета голосов.

Сейчас вам надо бы поскорее обвинить кого-нибудь. Угадаете вы или нет — не важно. Главное, сам факт, что вы обвиняете, покажет, что вы противник убийства и не забыли о долге "гаранта Конституции".

Лучше всего возложить вину на международный терроризм и его пособников внутри страны и за рубежом. (Бизнеса у покойной не было, но все же и такие версии возможны: мол, проклятые олигархи, чтобы подорвать вашу репутацию...)

Повредела ли вам эта неприятность? Думаю, нет. В глазах народа повредить вам это убийство могло бы, если бы ТВ показало и прокомментировало его так, как когда-то показало глупое Холодова. (Но того телевидения давно уже нет.)

В глазах Запада? Думаю, нет. Пока вы держите в руках нефтяного вентиль, они все проглотят.

Поэтому не слишком огорчайтесь. Неприятность скоро забудется, особенно если бензин подорожает или электричество не выдержит подъема потребления на фоне понижения температуры.

Чеченский след

Анна Политковская не менялась вместе с политической конъюнктурой. То, что она напишет в следующем номере, и через неделю, и через год, по большому счету, было известно заранее. Она отличалась от многих коллег не эволюционировала от полного неприятия режима Рамзана Кадры до искания в нем положительных качеств. Поэтому "чеченская версия" противоречит здравому смыслу.

Да, за двое суток до гибели Анна на радио "Свобода" назвала Рамзана Кадры "Сталиным наших дней", и что еще обиднее для чеченца, "вооруженным до зубов трупом". И это в день рождения Рамзана. Но и год назад она писала так же. Однажды опубликовала его антирусские высказывания, дав в переводе с чеченского стенограмму выступления Рамзана на местном телевидении. И ничего. А ведь тогда Кадры был еще не окупленным террористом, а политтехнологом.

Сегодня Рамзан меняет образ. Он хочет походить на строителя, а не на боевика. Он одирует с себя камуфлированную кожу и влезает в гражданский костюм. Сейчас как никогда Кадры невидимая смерть оскорбляет его журналистику.

Вторая ветвь "чеченской версии" — Политковскую убили поклонники Рамзана, мстя за оскорбление кумира. И это невероятно. Тогда придется предположить, что назначенного сверху Рамзана Кадры чеченцы любят искренне, а не по разнарядке. Да и убийство слишком холодно и умело, чтобы списать его на импульсивного кадрыдовского фаната.

Предполагают также, что Анну убили из-за статьи о "пытках в кадрыдовских застенках", которую она готовила в понедельник номер и о чем публично сообщила также по радио 5 октября. Но даже если статья к моменту убийства была у Анны только в голове, один ее взгляд и вытаскивание человека на волю.

Эти чеченцы Анну не убивали.

Патриоты из НКВД

Другая быстро распространяющаяся среди обывателей версия: Политковскую убили российские спецслужбы — тоже не выдерживает вдумчивого анализа.

Один мой товарищ, военный журналист, написал книжку о чеченской войне. В России книга выставлена, а вот западные издатели от нее отказались. По словам моего коллеги, эти западные издатели сказали, что у них уже есть Политковская и других "чеченских писателей" им не надо. Я выезжал за границу на книжные выставки, я разговаривал о чеченской войне с тамошними журналистами и политологами. И могу подтвердить, что Анна пользовалась огромной популярностью на Западе. Она считалась там "рупором чеченской войны", что сильно раздражало ее коллег в России. На Западе она издавалась, выступала на конференциях, получала гранты и премии. Ее представляли не просто военным репортером, а экспертом по Северному Кавказу.

Российским спецслужбам невыгодно ее убивать. Убийство порочит Россию в глазах Запада и бьет по ме-

ле смерти Анны мы, ее коллеги, собрались в студии радио "Свобода", пытались в прямом эфире понять, что же произошло. И вот один из дозвонившихся слушателей вдруг заявил, что Анна писала правду только на 50 процентов. А другие 50 процентов — не то чтобы ложь, но впоследствии не подтверждалось. И я вдруг понял, что это очень хорошие показатели. Если ты такой умный, поэзжай-ка на войну, где никто тебя не ждет, и попробуй выцарапать из этой грязи и смуты хотя бы долю процента.

Считается, что женщине на войне не место. А теперь я вдруг понял, что именно женщина-журналист там больше других и нужна. Мужчины-журналисты на войне прежде всего мужчины. То есть воины. Он очень быстро принимает ту или иную сторону и воюет по-своему. Помните фамилии известных военкоров, и вы без труда их классифицируете. Журналист Н. — моджахед, а М. — федерал. В середине мужиков нет. Все разошлись по армиям. А женщина — она другая. Она в упор не видит многих вещей, по мнению мужчин, очень важных. Может спутать "матальгу" с "бэтэром", а "башку" по-двучачи обозвать "танком". Но она не пропустит забытых сирот в интернете на Катаяме (читайте Политковскую), брошенных дурачков в психбольнице под Гудермесом (читайте Политковскую), арестованного семидесятилетнего старика Читаева (читайте, читайте, читайте). Его внук Рашид Читаев живет сейчас в Дортмунде и стыдится, что сбежал из своей страны, а Политковская, вытаскивая в 2000 году его брата и дедушку из чернокозовского фильтра, осталась в России и здесь погибла. Одной истории с Читаевыми хватило бы, чтобы мужики-коллеги объявили Анну самой честной и самой смелой. Но как объявить, если она "матальгу" путала с "бэтэром". Женщина на войне нужна больше. Воином так и без нас хватает. Есть еще одна девочка, Оля Алленова из "Коммерсанта", которая своим подвигом подтверждает мою теорию. Оля спасла из рабства Владимира Епишина, встретив его в Панкиском ущелье. Я б, например, и внимания на Епишина не обратил. Какой от божка прок? А Оля поймала его взгляд и вытащила человека на волю.

Мужчины любят описывать, сильных. А слабым на войне куда тяжелее. Они пишут только женщины.

Опасная харизма

У Анны была харизма. Честная и бесстрашная журналистка, известная на весь мир. Ее смерть выгодна противникам Путина и Кадры. Журналистов принято делить — на патриотов, на либералов, еще бог знает на кого. Очень расхожая тема — о продажности журналистов. Анна не была продажной. Это легко доказать. Чуть больше недели назад ее мама попала в больницу. Обнаружили запущенный рак. Первый удар. Отец Анны Политковской спустя несколько дней умер от инфаркта. Второй удар. У мамы после этого тоже случился инфаркт. Удар третий, добивающий. Анна носилась между погибшими родителями, хоронила отца, дежурила у постели матери и нашла время, чтобы прямо из боль-

всегда свяжут его с именем президента, хотя бы потому, что убили Анну в день его рождения.

Что-то нам подсказывает события, которые начнутся после ее смерти...

Письмо отсюда

Последний раз мы говорили с Анной за два дня до ее гибели. Говорили не между собой, а каждый о своем в напряженном эфире радио "Свобода", посвященном Рамзану Кадры. Я из студии, Анна из больницы по телефону.

А в субботу мне позвонила растерзанная, подавленная, перепуганная Лена Рыжкова, ведущая "Свободы", и сказала: "Я приехала на работу, чтоб готовить передачу про смерть Ани, а в почте письмо от нее про тот наш эфир. А в письме — про тебя".

Вот выдержка из письма, пришедшего после смерти: "Лена, большое спасибо. Кстати, Речкалов не прав, говоря, что мы с ним терпеть друг друга не можем. Может, это он о себе. Я к нему отнюдь как к коллеге — хорошо пишу, спасибо. Плохо — не спасибо. Еще Речкалов не прав в том, что никто не написал о погибшем Бувуди Дахмие, который действительно был уникальной личностью. Я написала большую посмертную статью-эпиграф. Жаль, что Речкалов читает только себя..."

Бувуди Дахмие — начальник штаба чеченского ОМОНа, погибший месяц назад и похороненный при громком молчании прессы, не решившейся своими комментариями испортить благостную картину возрождающейся кадрыдовской Чечни.

Ну, раз ТАМ у Анны еще работает электронная почта, я отвечу: "Дорогая Аня. Когда я упрекал коллег, что они не написали о Бувуди, я обращался к тем, кто знал его очень близко. К тем, кто ел у Бувуди, пил у Бувуди, спал у Бувуди. Ты к таковым не относишься, а значит, и эпиграф могла не писать. Но только ты и написала. Спасибо".

В том эфире, переступив через амбиции и зависть, я публично признал порядочность Анны и сказал, что, несмотря на наши с ней разногласия, считаю ее своим другом. Я успел сказать это до ее смерти. Мне повезло.

Р.С. Восемь лет назад я работал вместе с Анной в "Общей газете". Мы ее недолюбливали, считая чересчур экзальтированной. Попалась нам в руки компьютерная программа, позволявшая подсчитать, сколько раз употребляется в тексте то или иное слово. Мы взяли и в сети статьи Политковской и начали курить. — Ну-ка забей слово "горе"? Сколько раз оно у нее встречается? — 60! — А теперь "ужас"? — 34! — А ну-ка забей слово "счастье"! Ни одного не будет!

— Есть. Слово "счастье" встречается один раз! — Не может быть, ну-ка контекст посмотри! — Так, вот и контекст: "Счастье еще, что его не убили..."

Свой последний в жизни комментарий Анна Политковская дала Вячеславу Ферапонкину — собору сетевых изданий "Кавказский узел". За полчаса до своей смерти Анна Степановна поговорила с ним по телефону.

О ЧЕМ СКАЗАЛА ЖУРНАЛИСТКА В ПОСЛЕДНЕМ ИНТЕРВЬЮ?

— Несмотря на всеобщее безобразие, устроенное журналистами, которые пошли лизать в большое количество известных места в Центрозе сейчас, и всеми остальными безумными нашими российскими VIP-менеджерами, которые сделали честь отметить 30-летний юбилей одного отдельно взятого премьера кавказской республики, мне кажется, что перспективы у Кадры-ва обеспокоенных нет.

— Я не могу знать, хочет или нет назначить его Путин президентом Чечни. Но я думаю, что просто этого не случится по многим причинам — ограничусь такой формулировкой. Сам же Рамзан Кадры просто жаждет официально занять пост главы Чечни, мечтает об этом.

— Главная статья доходов кадрыдовского бюджета — поборы со всех, кого можно обобрать. Не только с бизнесменов, но и, например, со всего чиновничества. Оно, конечно, в Чечне, как и по всей нашей стране,

коррумпировано с ног до головы. Каждый такой чиновник отсчитывает огромные суммы со своих доходов. Конкретные суммы без документов называть не буду. На сегодняшний день у меня есть только копии заявлений в прокуратуру сотрудников МЧС, которые были возмущены тем, что их заставили отсчитывать из зарплаты по 13 тысяч рублей, а это — большая часть зарплаты.

— В этих поборах были такие смешные вещи, как принуждение чиновников ходить на все эти идиотские концерты, устраиваемые в Гудермесе с участием звезд нашей эстрады. Или, например, покупать билеты на конкурс красоты. Чиновник обязан был купить два или три билета по цене, которая превосходит реальную раз в четыре.

— Последняя заметка Анны Политковской в "Новой газете" от 29 сентября называлась "Карательный договор" и была посвящена событиям в Чечне. Тема

Чечни в последних статьях Анны доминировала. Но писала она и о митинге памяти Беслана на Лубянке, и о деле Сычева...

Вот некоторые выдержки из последней публикации Политковской: "Для большинства кадрыдовцев, ямадаевцев, какиевцев и других участие в войне на стороне федеральных сил — не политическое мотивированное решение. Это удобный способ разрешить собственные проблемы при помощи государства, обеспечивающего их безопасность и на какое-то

время снимающего вопросы материального характера". "Члены этих отрядов замешаны в тех же захватах людей, совершают убийства и пытки и по жестокости давно уже сравнялись с "эскадронами смерти", состоящими из кадровых офицеров российских спецслужб, но их действия носят все же выборочный характер. Жителей, не противостоявших им самим и федеральной власти (причем федеральной власти только во вторую очередь), они обычно не трогают".

Подготовил Михаил РОМАНОВ.

РЕАКЦИЯ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДУМА СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ МОСКВЫ

Гнев и ярость переполняют сердца многотысячной армии московских журналистов. Убита наша коллега — талантливый российский журналист, чьи публикации вызвали у многих неоднозначную реакцию, но всегда становились событиями общественного значения, а друзья и недруги восхищались ее бесстрашием, ее стремлением постоянно быть в гуще событий, в центре кризисных ситуаций, "горячих точек" и высказывать свою, часто нелицеприятную, их оценку.

Убийство Анны Политковской — это очередное посягательство на демократию, свободу слова и гласность в России. Ее имя попало в скорбный список, который насчитывает около 300 сотрудников различных средств массовой информации, погибших и пропавших без вести с 1991 года.

Беспрецедентность произошедшего вынуждает нас обратиться к Генеральному прокурору РФ — ну Чайке с просьбой провести самое тщательное расследование и найти заказчиков и исполнителей убийства нашей коллеги.

Президиум СЖМ.

Из заявления Комиссии Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации:

"Убийство Анны Политковской — это удар по главному институту демократии — свободе слова". "Журналист имеет право на расследование, при этом он должен быть уверен, что не ставит на кон свою жизнь. Журналист должен выполнять свой профессиональный долг, а власть — обеспечивать его безопасность. Если власть в кратчайшие сроки не расследует преступление — по добрым методам запугивания и расправы с журналистами в России могут стать обыденным явлением".

Заявление подписано Павлом Гусевым, Еленой Зелинской, Николаем Доржавиным, Эдуардом Сагалаевым, Николаем Санидзе и Александром Школьниковым.

Григорий ЯВЛИНСКИЙ, лидер партии "Яблоко".

"Прямую политическую ответственность за ее убийство несет руководство страны, которое допускает физические уничтожения своих политических оппонентов..."

Михаил ГОРБАЧЕВ, экс-президент СССР, акционер "Новой газеты".

"Это дикое преступление против профессионального, серьезного журналиста и мужественной женщины. Это удар по всей демократической независимой прессе, это тяжелое преступление против страны, против всех нас. Такие вещи нельзя оставлять безнаказанными, и необходимо сделать все возможное, чтобы найти виновных. Кто-то опять хочет бросить тень и на руководство страны, и на

те положительные процессы, которые происходят на Северном Кавказе. Несомненно, газета будет вести и свое расследование. Я думаю, что мы даже найдем возможность поощрить тех, кто оказывает содействие следствию".

Алу АЛХАНОВ, президент Чеченской Республики.

"Я потрясен случившимся. Анна Политковская была известной во всем мире журналисткой. Если в центре Москвы могут убивать беззащитного человека, тем более женщину, журналистку, то это повод для серьезного беспокойства. У Анны Политковской были свои взгляды на методы проведения контртеррористической операции в Чеченской Республике, однако это было ее личное мнение, на которое имеет право каждый человек в свободном обществе".